

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

К. Н. Костюк

СОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК СИСТЕМА НРАВСТВЕННЫХ ВЫЗОВОВ К ОБЩЕСТВУ

Между обществом традиционным и обществом современным как системами социального порядка проходит незримая грань: если традиционное общество управлялось на основе морального закона, то современное общество управляется правовым законом. Господство морали и права достаточно резко отделяет один тип общества от другого. Сегодня мораль переместилась в сферу частного. Ею руководствуются индивиды при решении собственных проблем, но практически не руководствуется общество при решении социально значимых проблем. Нравственное суждение имеет значение для общественного мнения, но не для общественного управления. Значит ли это, что мораль и нравственность лишились своего социального значения и превратились в маргинальный элемент общественных слухов и пересудов?

Это не так, ведь сфера права не может претендовать на универсальное социальное значение, не может служить заменителем морали хотя бы потому, что предполагает нравственное суждение в качестве мировоззренческого ориентира, стратегического указателя. В сфере государственного управления право служит скорее техническим режимом, позволяющим регулировать конфликты, устанавливать правила общежития, но не судить о правоте и правде. Конфликт между правом и моралью как социальными механизмами – глубоко осмыслен в русской богословской литературе, достаточно сказать, что первый русский богословский текст – митрополита Илариона «О законе и благодати» - был посвящен именно этой проблеме. На рубеже 19-20 столетий глубокую рефлексию этот вопрос получил в книге митр. (позже патриарха) Сергия Старгородского «Православное учение о спасении».

Но и сегодня этот вопрос актуален более, чем прежде. Стремясь перейти сугубо к правовой системе, общество рискует утратить глубокие нравственные ориентиры, скатиться к полной нравственной наивности и невежеству. Об этом свидетельствуют многие специфически современные дискуссии, например, об эвтаназии или биоэтике. Те вопросы, в отношении которых исторически не сформировалось нравственное суждение и которые лежат за пределами компетенции индивида, грозят повиснуть в этически нейтральной среде, в которой господствует масштаб технократического и саентистского решения, глубоко чуждого человеческой культуре.

Хранилищем масштаба нравственного суждения должна оставаться церковь, причем не только в отношении индивидуальной морали, но и общественной, социальной нравственности. Этой области соразмерен предмет социальной этики, который позволяет, исходя из нравственных оснований, судить об общественных, в том числе, правовых вопросах. Проблема формирования социальной этики в том, что ей, в отличие от права, чрезвычайно трудно институционализироваться, найти

свой рупор и своего общественного представителя. В совокупности представителем социальной этики служит гражданское общество во всем многообразии своих проявлений. Но самым громким и авторитетным голосом общественной этики призвана служить церковь.

Церковь всегда была хранителем и носителем традиций и нравственных норм в обществе. И в этом призвании и задаче с течением времени ничего не изменилось. Может измениться отношение общества к моральному суждению церкви, как это произошло в большевистской России, которая в своей идеологии принципиально отказалась от универсально значимых моральных принципов. Поэтому принятие «Социальной концепции Русской православной церкви» в 2000 г. стало восстановлением исторически попорченного права русской церкви на общественный формат своей деятельности, на авторитет нравственной оценки социальной жизни современного общества.

Русская православная церковь в своей Социальной концепции сформулировала то, что ждало от нее общество: социально-этические принципы существования современного общества, те общие морали и естественному праву начала, благодаря которым наша жизнь получает благодатное нравственное питание и не скатывается в хаос, подобный эпохе коммунистического или нацистского затмения разума.

Эти начала опираются на начала и смысл божьего Творения и Провидения. Они позволяют скрепить смысл создания и существования человека с перспективой Евангельского откровения и реалиями нашей современной жизни. Мы живем в ситуации стремительных социальных изменений, где каждое десятилетие, а тем более столетие не похоже на предыдущее. Новые технологии отменяют старые и даже новые социальные и правовые порядки становятся несовместимыми с прежними. Но те смыслообразующие начала, на которых зиждется человеческое бытие, и которые как в священном сосуде хранятся в Святой православной Церкви – они остаются нетронутыми светильниками в этой изменяющейся жизни. Эти начала, однако, живут только тогда, когда присутствуют в сознании общества, постоянно рефлектируются и дискутируются, когда они вторгаются в нашу жизнь и руководят ей. Рупором и защитником этих начал выступает Церковь в своем социальном служении.

Важно заметить, что защита Церковью нравственных принципов не выступает в виде слепой приверженности традициям. Традиции – человеческие образования и даже если они характеризуют более гармоничный общественный порядок, они не могут без оговорок быть перенесены в новые социальные контексты. Сила Социальной концепции в том, что она, призывая себе в свидетели изречения Святых отцов и евангельские истины, выражает оценку именно современных реалий и норм социальной жизни. Существовая в контексте глобального и медийного общества, церковь задает меру движения по этим векторам социальной эволюции, не отрицая их, а внося в это развитие оценку нравственного разума.

Как пример, хочу привести разделы Социальной концепции, посвященные хозяйственной этике. Современный мир живет обостренным интересом к своим производительным возможностям, позволяющим преобразовывать окружающую среду и нести все новые и новые степени комфорта. Он жертвует всем ради интенсивности труда и роста его производительности. И горе тем, кто здесь отстает: страны с «консервативной» хозяйственной этикой обречены на отставание и бедность. При этом технологический разум, стремящийся ко все более и более радикальному ускорению технического прогресса, совсем нечувствителен к проблеме сохранения экосферы человеческого обитания. Дело не только в том, что при этом становится безконтрольной эксплуатация окружающей среды. Полностью

меняется сфера и порядок жизни человека, прикрепленного к компьютеру. Разлагается брак, формируется сугубо анонимная урбанистическая среда, капитализм, усиленный глобальными коммуникациями, подчиняет себе все заботы и мотивации человека труда. Платой за увлечения экономической рациональностью, за подчинение ей всех сфер жизни становятся экономические кризисы. Кризисы – наказание за увлечение односторонними социальными императивами. И Социальная концепция дает здесь очень ясные указания, не предлагая альтернативный порядок, но напоминая о важных противовесах сугубому экономическому либерализму – защита труда, комплексное и многофакторное экономическое развитие, опирающееся на развитие человеческой личности, а не на ее эксплуатацию.

Современное правовое государство в своей конституции провозглашает, что оно отказывается от идеологии. В то же время оно не может быть морально нейтральным. Его идеология и моральный стандарт – права человека, принципы демократии. Социальная концепция Русской православной церкви – и здесь практически в одиночку, гораздо более принципиально и громко, чем это можно услышать у протестантов и католиков – заявила о своей собственной позиции, оппонировавшей вульгарному либеральному подходу, трактующему концепцию ценности прав человека. Достоинство и права человека не должны интерпретироваться как презумпция его безгрешности и безнаказанности. Правомерная борьба за права и достоинства человека не должна исходить из мировоззренческой картины, где бы человек, а не Бог стоял в центре бытия. Достоинство человека определяется замыслом божественного устройства и определяется усилиями самого человека в реализации этого провиденциального замысла.

Я считаю, что такой подход в интерпретации концепции прав человека – чрезвычайно важный вклад в дискуссию, имеющую ключевое значение для современного социума. Ибо без ценности достоинства человека нет современного общества, а есть одно из обществ эксплуатации – рабовладельческое, крепостническое, капиталистическое. В то же время, в оппонировании этим ценностям можно слишком увлечься, и это зачастую так и произошло. От имени церкви пытаются полностью подорвать эту ценность и обосновывать другой образ человека – падшего, лишенного благодати и надежды на спасение, определенного к терпению и покаянию. В социально-этическом измерении эта терминология не проходит. В обществе человеческая личность должна бороться и отстаивать свои права, перед лицом Левиафана, презирающего божеское творение, именно ради соответствия своему богоначертанному смыслу.

Социальная концепция дает повод к развитию именно такого взгляда на вещи тем, что открыто оппонирует праву на свободу совести, видя в нем источник общественного падения, апостасии. В свободе совести видится источник тотальной секуляризации общества. Действительно, не будь свободы совести, секуляризация была бы невозможна. Но без свободы выбора веры не было бы и религии, не было бы христианства, не было бы смысла в евангельском пришествии Христа. И это обстоятельство довольно четко разъясняет «Декларация» РПЦ о достоинстве и правах человека. Современный человек должен освободиться от соблазна видеть в правах, которые ему предоставляются, индульгенцию своему неверию и безразличию. Права налагают обязанности, и о них напоминает церковь.

Социальная концепция не является раз и навсегда данным документом, который надо пассивно усваивать верующим. Напротив, ее жизнь – в активной рефлексии, обсуждении, дискуссиях. Хотя она предназначена в первую очередь для верующих, ее задача – давать нравственные ориентиры всему обществу. Помогать обществу понимать смысл социального развития, в который оно интроспективно

включено, но зачастую не может взглянуть со стороны. Хотя текст Концепции ориентирован на людей церкви, он говорит членам церкви одновременно как гражданам общества, в которых они живут и действуют; он не диктует обществу напрямую, а подсказывает нужные правила.

При этом многие из нравственных требований церкви к миру могут звучать радикально. По существу, жить нравственно – всегда является вызовом для жизни, настроенной на конформизм. Полагать в основу своих действий нормы, ориентированные на нравственный идеал, всегда трудно. Российскому обществу, которое в течение XX столетия было дезориентировано наличием трех систем координат, зачастую непросто определить, что морально и что аморально. Церковь помогает услышать обществу то, к чему оно за это время стало мало восприимчиво. Церковь в социальной концепции полагает систему нравственных требований, которые достаточно лояльны к порядку светского мира, но требуют соблюдения нравственной меры, требуют наличия этики ответственности. Утверждение права и справедливости, сохранение брака, соблюдение гражданского мира, учет права слабого – эти требования могут показаться тривиальными, но нравственные правила всегда такие – простые и недостижимые. Российское общество все еще настолько не вышло из недуга, что ему требуется не обличитель, а проповедник. Огромное расслоение между социальными классами, бедность, забюрократизированность и коррупция государственных институтов, слабость гражданских сил, заброшенность села, анонимная среда городов, недостаток общественной солидарности – все это требует огромной работы по переустройству общества, для совершения которой очень важно представлять картину совершенного и гармоничного мира. Общество ждет этой картины от церкви и нуждается в ней. Церковь, предвосхищая истинный и совершенный мир, может давать его проекцию, продолжая отдавать «кесарю – кесарево, небесному – небесное». И пусть расстояние между ними бесконечное, но не безнадежное, и да будут вера, надежда, любовь будут помогать миру преображаться из лжи в истину.